

Игорь Шестков "В институте"

Шел я по коридору в институте. На углу появилась вдруг фигура Никарева. Он увидел меня и яростно замахал руками – иди, мол, скорее сюда! Я не побежал, а спокойно дальше пошел. Никарев ко мне подлетел, запыхавшись, и прошептал страшным прерывающимся голосом: «Девин всех к себе требует! Пошли скорей!»

И затрусил боком вперед дальше по коридору в сторону кабинета нашего шефа. Никарев был горбун. Движения его напоминали походку краба. Он явно трусил. В институте работала аттестационная комиссия, поэтому любые новости и совещания вызывали у сотрудников панические страхи. Через минуту я открыл огромные, черным дерматином обитые двери и вошел в кабинет шефа. На диване и на стульях сидели научные сотрудники. Толя Онегин по кличке Толян, маленький, ловкий, парторг подразделения робототехники. Секретарша Раечка, злобная баба и, как я подозревал – любовница Девина. Шнитман, еврей с «ленинским» черепом, заискивающий перед Девиным, перед Раечкой, перед всеми, кроме меня. Алик Рошальский и Эдик Курский, два наших теоретика, похожая на свинью Лидия Ивановна, Никарев и Елизавета Юрьевна, наш инженер. Девин стоял у доски.

Я прибыл, как всегда, позже всех. Это в лаборатории расценивалось как дерзость. Почти все на меня осуждающе посмотрели. Но по-разному.

Шнитман глянул пренебрежительно, как на досадную помеху. Он как бы хотел сказать Девину своей гримасой: «Опять этот раздолбай Димочка приходит последний. Ему все равно, видите ли! Он позорит наш спаянный коллектив! Извините, Ким Палыч, продолжайте, Ким Палыч!»

Раечка посмотрела откровенно злобно и презрительно. Не знаю, чем я заслужил такое отношение – у меня с ней никаких контактов не было. Вошедший за полминуты до меня Никарев посмотрел на меня с нескрываемым злорадством – попался дурак, а ведь я предупреждал. Никарев ревновал, завидовал. Не понимал, что я для него не конкурент, что меня вся эта высокая наука волнует только с одной стороны – как можно ее послать куда подальше и своими делами заняться. Лидия Ивановна глянула на меня строго, раздувая ноздри своего

короткого, похожего на свиной пятак, носа. Алик и Эдик на меня даже не посмотрели, а только стрельнули глазами – и тут же отвели взгляд. Это были хорошие, умные люди, их портил однако страх перед властолюбием Девина. Не то чтобы они заискивали. Их позиция была – наше дело сторона, мы теоретики, не трогайте нас и мы вас не тронем и все, что надо, сделаем. Но если Девин кого-то сек, они отводили глаза. Ни слова, ни полслова поперек начальству. Девин их видел насквозь и, ценя их научную компетентность, презирал как людей. И часто унижал. Мне было за них стыдно.

Толян посмотрел на меня спокойно, но с язвительной улыбкой. Он был человек-загадка. Был предан Девину «до мозга костей», был вульгарен. Ногти грыз. Пахабные анекдоты рассказывал. Страдал мигренью. Как парторг, организовывал и проводил партсобрания. В нем не было, однако, того, что объединяло многих других членов партии – желания травить других людей. За это я ему все внутренне прощал – и похабные анекдоты и изгрызанные ногти и собачью преданность Девину.

Елизавета Юрьевна посмотрела на меня с доброй улыбкой и показала глазами: «Садитесь скорее, а то Ким Вас укусит!»

И тихонько засмеялась, прикрывая рот ладонью. Девин просекал все удивительно быстро, он заметил и мгновенно проанализировал все взгляды, брошенные на меня его сотрудниками и остался всеми кроме Елизаветы Юрьевны доволен. Посмотрел на нее грозно, как Зевс (сам он был маленький, спортивный, прямоугольный, моя мама называла таких начальников «злыми карапузами»), гаркнул мне: «Садись!» – и продолжил речь.

«Повторяю для новоприбывших! Сверху поступила директива – сократить штаты на пятнадцать процентов. Это значит, кто-то будет уволен. Я ничего не решаю – решает аттестационная комиссия. Наше дело – хорошо подготовиться к аттестации. На высоком уровне представить результаты работы лаборатории на ученом совете института. Толян должен доложить о наших результатах на партактиве. Рошальский и Курский должны подготовить обзорный доклад о лаборатории для межрегионального совещания. Шнитман должен... Лидия Ивановна должна...» И так далее и тому подобное. Все должны, должны, должны. Только он сам ничего не должен. Говорил Девин минут двадцать.

Чувствовалось, что он наслаждается своей ролью вестника беды.

Я про себя пародировал его речь: «Кого-то из вас уволю, мерзавцы! Что, запрыгали, головастики! Мне-то ничего не грозит. Я – заместитель директора. А любого из вас выкинуть – как плюнуть раз. И я один буду решать, кого. Может быть кого-нибудь из технического персонала уволю, может быть, отболтаюсь наверху, и никого не уволят. Все зависит от того, какое у меня будет настроение. Но вы все попляшите, черви! И жопу мою полижите всласть. Ну что ты Димочка на меня так насупленно смотришь? Думаешь тебя волосатая лапа спасет? Жопу лизать не хочешь. Гордый, твою мать! Ничего, мы и не таких гордецов в бараний рог скручивали! Или научишься – или с волчьим билетом вон!»

Потом все высказывались. Обещали (Рошальский и Курский). Ручались (Никарев и Раечка). Били себя в грудь (Шнитман и Лидия Ивановна). Один Толян говорил трезво и спокойно. Может быть, потому, что знал – его только полгода как выбрали парторгом, значит не уволят. Лизавета Ефимовна и я промолчали. Мы люди маленькие, нас даже если обоих уволить – пятнадцати процентов не наберешь. Потом все разошлись.

«Теперь Ким всех нас истерзает», – шепнула мне Елизавета Юрьевна.

«Надо Шнитману второй язык пришить, пусть двумя полижет, ублажит шефа!» – отозвался я тоже тихо и пошел на свое рабочее место.

На следующий день Елизавета Юрьевна пришла на работу с заплаканными глазами. Я дождался, когда мы остались в комнате одни, и спросил, что случилось. Спросил, хотя знал, о чем она будет говорить. Говорила она всегда о своей взрослой дочери. Как она ее внучку мучает. Какие сцены устраивает.

«Вы только подумайте, Соня сажает маленькую Аничку в темную ванную.

Мать! И ребенок сидит там полдня и плачет. Аничка в ванне боится. Говорит, там стоит медведь. Большой. Черный. В углу. Хочет ее съесть. Стоит и смотрит стеклянными глазами. На самом деле это вешалка так отсвечивает. Я видела сама. Сколько я Соне ни говорила – как я за порог, Аничка – в ванной. И свет гасит. Соня истеричка. Не приходи ко мне, кричит, не хочу жить, ненавижу жизнь, ненавижу всех вас... И не работает нигде, за все мне одной приходится платить. И пьет каждый день. И дурь всякую курит. Откуда у нее деньги на все это? С парнями молодыми связалась. А если ей что скажешь, визжит. Кричит –

уходи из моего дома, что ты приперлась, старая дура. Потом плачет. Мне и ее и Аничку жалко. Муж умер – некому с ней поговорить. Она только отца слушала. А меня еще в детстве не любила. Ну, я сама во всем виновата.

Полуторогодовалую в ясли отдала. Там воспитательницы детям пить не давали. Чтобы они в постель не делали. Она там целыми днями плакала. А дома все воду пила. Дура я была – думала эта работа проклятая чего-то стоит, кому-то нужна. Спутники эти, ракеты. Луна. Дрянь это все, Димочка».

«Совершенно с Вами согласен, Елизавета Юрьевна. И спутники и ракеты и роботы и главное – Луна. Все дрянь. А что, если вам попробовать, Аничку к себе взять. Может Соня образумится, на работу пойдет. Хотя приличную работу найти безумно трудно, а на фабрике ей долго не продержаться – там терпение надо...»

«Я ей сто раз предлагала. Не соглашается. Визжит. Если у нее Аничку отнять – то она оправдания внутреннего для своей жизни лишится. Получится – ей надо все иначе устраивать, ответственность брать на себя, а она этого не хочет и не может.»

«Это всем не легко. Я бы тоже визжал, если бы кому-нибудь было до этого дело».

«Вы – совсем другое дело. Помучаетесь у нас, потом что-нибудь другое найдете, получше. Вот, посмотрите фотографии Анички. Племянник сделал».

Я взял фотографии. С них на меня смотрела шестилетняя еврейская девочка с испуганным лицом.

Тут в комнату вошла Лидия Ивановна. Глянула косо на фотографии. Села, взяла в руки паяльник и начала паять.

Я подумал: «Попаяет немного, а потом побежит Киму доносить».

Так и случилось. Лидия Ивановна поработала, встала, вышла. А еще через десять минут пришла и провозгласила: «Елизавета Юрьевна, Вас Ким Палыч требует».

И посмотрела на меня мстительно.

Почему они меня ненавидят? Неужели за то, что толстый? Но она и сама жирная как свинья. А за что ненавидят Елизавету? За то, что она не такая, как они. В ней есть что-то благородное. Она не шавка. Не лает, не лизоблюдничает. Не пьет с ними. Не участвует в их идиотских разговорах, в их интригах, в их бесконечном

друг-друга-пожирании.

Елизавета Юрьевна пришла от шефа бледная, с каменным лицом.

Я спросил: «Неужели уволил?»

«Нет, только мучил, говорил, я на вас плохо влияю. Теперь вас требует, только вы уж будьте спокойны. Он покричит и успокоится».

Я пошел к Киму. По дороге заметил, что Никарев и Шнитман в мою сторону кивают и смеются. Спелись, сволочи. А ведь оба не такие уж плохие ребята. Шнитман регулярно изображал деда Мороза на институтских елках. Никарев мужественно боролся с увечьем. Лакеи! Но научные сотрудники хорошие, исполнительные, и с инициативой. Звезд, правда, с неба не хватают. А у нас только сильные люди могут пробиться. А они – средние. Ну и лижут. Ладно, это не мое дело! Надоело мне все! Уже два года терплю. Как бы мне не сорваться и у Кима не психануть! Нервы у меня не железные. И работу эту я действительно ненавижу. Так что, все, что он будет говорить – правда.

Вошел в кабинет. Ким посмотрел на меня пристально и кивнул – садись, мол, на диван. А сам стал в стойку у доски – как капитан на мостике. Даже в плечах сделался шире. Ким любил читать нотации и мозги промывать. Хлебом не корми.

Я про себя гадал – сразу прорабатывать будет или начнет про себя рассказывать, про сапоги?

Надо попытаться его не слушать, но как? Он в глаза смотрит, каждую реакцию фиксирует. Единственная его слабость – очень себя любит и переоценивает свое влияние на других. Значит надо верноподданическую рожу скорчить, а самому попытаться о чем-нибудь постороннем думать. О том, что для меня действительно важно. О Брейгеле, о Босхе. Ох, покажет мне сейчас Девин «Триумф смерти»!

Девин начал атаку вопросом: «Ты Дима где родился?» И сам тут же ответил: «В городе, в семье ученых. (Это в те годы почти вменялось в вину.) А я родился – в деревне. Перед войной. В бедности, в грязи. Сапоги у меня с братом одни на двоих были. Отец на войну ушел и не вернулся. Кто на его месте остался? Я и брат. Мы и землю пахали и зерно убирали. И в школе учились. Окончил я школу с медалью. И поступил в сорокдевятом на мехмат. После мехмата – в ящик. У

меня блата не было. Все пришлось самому пробивать. Головой и задницей. Потому что без железной задницы науки не сделаешь! Я в ящике работал и параллельно диссертацию писал. Ночи не спал. Не доедал. А почему? Потому что науку любил. И Родину. А Родине нужны были ракеты. И стабильные гироскопы. А гироскопы без дисциплины и плана не сделаешь. У нас каждый инженер, если уходил в нужник, на специальную кнопку нажимал на кульмане, а когда приходил, опять нажимал – так шеф всех контролировал и если кто где засидится – голову мыл и рублем наказывал! Титан! Потом академика ему дали. И два ордена Ленина. За ракеты. Всех в руке держал. И все его любили. Слунтяйства и лени не терпел – гнал взашей. Знаю, почему ты морщишься – ракеты тебе видите ли не нравятся! Ракеты нам нужны, чтобы нас наши же бывшие соотечественники в порошок не стерли! Думаешь их туда так просто пустили? Нет, дружок. Так просто в рай не пускают. Все они против нас работают. Против тебя и против меня! Уничтожить! Раздавить ходят! Думаешь я просто так евреев в лаборатории терплю? Нет, я их заставляю на нас работать. Нашего робота делать. Чтобы после атомного удара, он по руинам прошел. Чтобы врагов из нор выковыривал!»

Хорошо, что в этот момент в дверь постучали. Я чувствовал, что Девин добивает мое желание играть по правилам.

В кабинет всунулась курчавая голова Раечки. Голова спросила томным голосом: «Ким Палыч, можно войти? Вам бумаги подписать надо».

«Входи, входи, Раечка».

Сколько в его грубом голосе вдруг нежности появилось!

Пока Ким бумаги подписывал и с Раечкой шептался, я сидел как прилипший на громадном кожаном диване и смотрел в окно. Во мне закипала ненависть, которую я пытался в себе подавить. В окно было видно стеклянную крышу соседнего вивария. Я прислушался – оттуда доносился тихий волчий вой.

Подумалось: «Может завывать по-волчьи? Зубами заскрежетать на наших врагов? Ким тогда меня отпустит. А может и сам завоет – он из той же породы».

Раечка деловито удалилась с кипой подписанных бумаг. Перед этим, однако, бросила на Девина ласковый взгляд, а на меня посмотрела презрительно.

Ким продолжал: «Наша работа премирована ректоратом. Военными одобрена.

Лучшие силы мобилизованы. И я не потерплю, что кто-то как-то работу тормозит или саботирует! Мой бывший начальник гнал слюнтяев. А мы никого не гоним. Каждого пытаемся использовать с его сильной стороны (это он врал и знал, что врет). Вот, тебе скучно паять было – мы тебя программировать посадили, скучно программировать – еще что-нибудь тебе дадим. Почему ты заботы нашей не чувствуешь? Отношения ни с кем хорошие поддерживать не хочешь. Семьями не дружишь. На компромиссы не идешь. С работы в пять уходишь. Восемь часов – это для науки мало. Посмотри на Толяна. Он иногда ночует в лаборатории. С Шнитманом на той неделе дерзко разговаривал. Он тебя помочь попросил, а ты, что ему ответил? Что тебя не затем пять лет на мехмате учили, чтобы ты на станке работал. А кто, по твоему работать должен?» Я ответил: «Рабочие, они это умеют, а я только заготовку испорчу и руки пораню».

Девин разозлился: «Рабочие? А ты чем лучше их? Думаешь, родился в интеллигентной семье, так теперь всю жизнь белоручкой проживешь? Нет, мы этого не допустим. Мне таких белоручек не надо. Тут вам не пансион для благородных девиц! Лидию Ивановну кто вчера послал? Думаешь она не слышала? Все слышала. Ты сказал вполголоса – пошла ты, дура! А она ко мне прибежала – докладывать. Мне тебя опять защищать пришлось! С Никаревым ты работать отказался – он, видите ли, грубый. Да, грубый, но наш. Понимаешь ты, он наш. Не барчук! А ты, сам не знаю, кто. Серединка на половинку! Время сейчас мягкое. При Царе Горохе ты был бы знаешь где? Вот то-то. С Елизаветой Юрьевной балясы точишь, фотографии разглядываешь, вместо того, чтобы работать. И ее от работы отвлекаешь! Тебе за что деньги платят? За разговоры?» И пошел и поехал.

Минут через пятнадцать мое терпение кончилось. Перед глазами побежали цветные полосы. К горлу подкатила дурнота. Я понял, что пропадаю, что не могу больше сидеть и все это слушать. Что он меня убивает своим голосом, своей качающейся как маятник черной прямоугольной фигурой.

Неожиданно для самого себя я встал. Подошел к Девину. Посмотрел на него. Мне стало страшно, когда я услышал свой голос.

«Ким Палыч, хватит. Не хочу больше это слушать. Вам нужно кого-нибудь

уволить – увольте меня. Мне тут тошно! Точно в твоём гадюшнике!

Понимаешь!»

Последнее слово я произнес очень громко и грозно. Почувствовал, что за дверью кто-то это услышал и замер. И тут же я струсил. Но нашел в себе силы твердо посмотреть в глаза оторопевшему завлабу. В его глазах пылал сатанинский огонь. Триумф смерти.

Мосты были сожжены. Теперь надо было стоять на своем. Я вышел из кабинета и пошел по коридору. С трудом нашел путь в нашу лабораторию. Сел за свой стол.

Елизавета Юрьевна спросила меня шепотом: «Крепко досталось? Вы воды выпейте, а то так и инфаркт в молодые годы получить можно. Бывший парторг Порзов так умер».

Встала, налила воды в стакан из лабораторского чайника и подала мне. Я воду пить не стал. Меня мутило.

Неожиданно в комнату вбежал Никарев и заорал: «Ты чего наделал? Ты что ему сказал? Ты что с ума сошел? Идиот, он же тебя с волчьим билетом выгонит!

Тебя же никто на работу не возьмет! Иди, извиняйся, объясняй, иди, пока он в отдел кадров не пошел!»

«Не пойду, пусть увольняет. Отстань.»

Никарев убежал. Елизавета Юрьевна сказала: «Дима, что вы наделали! Он же Вас сожрет!»

«Подавится!»

«Дай-то Бог!»

В комнату вошел Шнитман. На меня он не смотрел, напевал что-то про себя. Шагнул к лабораторному столу, потрогал паяльник, поискал карандаш, нашел, переложил его с одного места на другое, потом подошел ко мне и заговорил доверительно: «Дима, ты что? Успокойся, умойся и иди домой. Ким сказал, ты можешь идти. Ты погорячился, со всеми бывает. Прими дома ванну. Книжку почитай. Завтра придешь, извинишься и будем дальше работать. Где ты такую прекрасную работу найдешь? Тут все-таки Академия Наук, не хухры-мухры. Ты же Кима знаешь, он крутой, но только для твоего же блага. Он из тебя человека сделать хочет, а ты хочешь верблюдом остаться».

«Буду лучше верблюдом, чем как ты, жополизом».

Тут Шнитман позеленел и заорал: «Я его жопу лижу не для удовольствия! А для жены и для детей! Меня, как брат в Израиль уехал, никто на работу полгода не брал. Даже рабочим. Мы уже голодали. А Ким взял. А ты, молокосос, жизни настоящей не знаешь! А как петух жареный в жопу клюнет, так ты тоже, по-другому запоешь!»

И вышел из комнаты, хлопнув дверью так, что она чуть из петель не вылетела. Тут вошла Лидия Ивановна и сразу налетела на меня: «Как тебе не стыдно! Тебя страна кормила поила! Ты лентяй и бездельник! Как ты смеешь Киму Палычу хамить!»

«Да заткнись ты, дура!»

«Всем рты не заткнешь, хам!» – проорала Лидия Ивановна, вытерла покрасневшее потное лицо и вышла.

Я чувствовал себя окопавшимся в норе зверем, на которого коварные охотники напускают собак различной породы. Спросил у дрожащей Елизаветы Юрьевны: «Как вы думаете, кто следующий? Цепные псы уже были, теперь пойдут декоративные».

Она не ответила. Почти полчаса стояла зловещая тишина. Потом в комнату вошел Алик Рошальский. Заговорил взвешенно: «Ты, Дима, отлично знаешь, что Ким тебя уволить не может. Он не хочет скандала. Молодого специалиста уволили! Вначале расхвалили, премию на конкурсе молодых ученых дали, а потом уволили! Лаборатория будет опозорена».

«Плевать я хочу на лабораторию!»

«Вот это и плохо. Это эгоизм. Учился ты плохо. Но тебя взяли сюда. Эта честь, которую заслужить надо. А ты такую работу в подарок получил! Лучший коллектив. Передовые технологии. Перед тобой все двери открыты. Через пару лет сделаешь диссертацию. За это надо быть благодарным, а не хамить».

«Ну вот ты и благодари. Благодар и кланяйся. Мы тут работа смотреть и ходить учим, а сами как слепые скоты на карачках ползаем. Пойми, Алик, я дальше просто не могу! Мне не надо ничего. Не могу я больше на все это смотреть, не могу больше разглагольствования Кима слушать, не нужна мне ваша диссертация...»

Алик вздохнул и вышел. Больше никто не приходил.

В пять пятнадцать я попрощался с Елизаветой Юрьевной и покинул здание института.

К сожалению, не навсегда. Я проработал в институте еще восемь лет, но уже в другой лаборатории. Там были люди получше. И главное, шеф не был такой скотиной как Ким. Мой влиятельный дед помог организовать это перемещение.

Девин сопротивлялся как мог. Но отступил перед силой. Перед этим еще раз пять пытался меня переубедить. Лыстил, угрожал волчьим билетом, впадал в ярость. Я был спокоен, знал, что он проиграл. Наконец он отстал от меня.

Распустил слух, что уволил меня за недееспособность. Я слух не опровергал, тем более, что в нем была доля правды. Единственным человеком из лаборатории Ким Палыча, который со мной здоровался, была Елизавета Юрьевна. Мы изредка болтали с ней в коридоре. Она жаловалась на дочку и коллег. Я рассказывал о новой работе.

Примерно через год после моего ухода от Девина, ко мне неожиданно заглянул Толян. Подошел и сказал: «Мы тут деньги собираем для семьи. Ты дашь?»

Я спросил, надеясь, что не она: «Кто умер?»

«Елизавета Юрьевна».

«Как она умерла?»

«Выбросилась из окна девятого этажа».

«Дочка довела?»

«И дочка и мы постарались. Что тут говорить, ты сам все понимаешь».

Я дал ему пять рублей.